

ОБ ИСТОРИИ ИНСТИТУТА*

© 1997 г. Г.А. Арбатов

Есть несколько дат, с которых можно исчислять возраст института. Одна из них – май 1967 г., когда было принято принципиальное решение ЦК КПСС об образовании Института США (проблематика Канады добавилась в 1975 г.). Тогда главным аргументом инициаторов создания института было то, что в США есть многие десятки центров, специально изучающих СССР, а у нас ни одного, который бы специализировался на американских исследованиях. Академии наук срочно поручили подыскать директора и начать развертывание исследований. В мае того же 1967 г. вице-президент АН СССР академик А.М. Румянцев, ведавший общественными науками, обратился ко мне с предложением занять пост директора института. В декабре я был назначен, и работа началась. Собственно, я стал директором института, которого не было. Не было ничего: ни людей, ни помещения, ни столов, ни стульев. Две недели я единолично олицетворял институт. Потом шаг за шагом – один, другой, третий – начали приходить люди, складывалось что-то всё более похожее на коллектив, мы получили помещение (пусть временное и в немыслимо запущенном состоянии), начали обставляться, обживаться, трудиться.

Именно с этого времени – последней декады декабря 1967 г., когда уже работал директор, начался подбор кадров будущих исследователей и были составлены первые планы научно-исследовательских работ, и ведём мы отсчёт времени существования нынешнего Института США и Канады.

Естественно, что мне, тогда человеку нестарому (директором я стал в 44 года), хотелось сделать что-то хорошее, новое, нужное. Мне не стыдно признаваться в честолюбивых мечтах – тот, кто начинает новое дело без них, наверное, не имеет шансов на успех. Хотя, увы, одни честолюбивые мечты, даже вроде бы хорошо продуманные планы сами по себе тоже ещё не гарантируют успеха.

Но я не собираюсь говорить о трудностях и перипетиях своей работы как директора – они, естественно, были большими. Я иногда думал, что второй раз в жизни создать институт не смог бы. Но это моё, личное. А сейчас речь о том, каким стал институт, что он сделал и делает.

Замысел при организации института у МИД и Академии наук СССР состоял в том, чтобы создать центр, занимающийся фундаментальными исследованиями, который бы не ограничивался публикациями академических книг и статей, а доводил результаты этих исследований до практических выводов и рекомендаций, прежде всего в сфере советско-американских отношений. Так было записано и в решении ЦК КПСС об институте, затем Совета министров и Президиума АН. Предполагалось, что исследования будут вестись на междисциплинарной основе – экономистами, политологами, историками, со-

* Статья написана академиком РАН, почётным директором ИСКРАН Г.А. Арбатовым по случаю 30-летия Института и впервые была опубликована в журнале «США – экономика, политика, идеология» в 1997 г. (№ 12, с. 5–17). Однако, как сможет убедиться непредвзятый читатель, удивительно актуальна и сегодня. – *Ред.*

циологами, специалистами по военным проблемам и т.д. Думаю, в какой-то мере сама идея создания института была подсказана публикациями (подчас рекламными) о работе американских “РЭНД корпорейшн”, Гудзоновского института, тогда ещё возглавлявшегося знаменитым Германом Каном, и других подобных исследовательских центров, а также сведениями о том, что “у них”, т.е. в США, при университетах есть десятки институтов, занимающихся СССР (при этом забывали добавить, что, как правило, это были карликовые учреждения, скорее кафедры, нежели институты, часто с 7–10 работниками).

Я полностью разделял эти замыслы руководства, но, честно скажу, мне хотелось несколько большего.

Во-первых, чтобы институт положил начало настоящим исследованиям внешнеполитических, международных проблем. То есть чтобы они велись не в историческом и идеологическом ракурсе, а именно как исследования живой политики с учётом её экономических, военных, даже психологических составляющих. И чтобы институт внёс вклад в создание отечественной политической науки. Думаю, это удалось. Именно в 70-е годы эта наука начала становиться на ноги, пусть в довольно скромных масштабах, участвовать в практической работе, хотя только в годы перестройки политическая наука была узаконена Академией наук и Высшей аттестационной комиссией, признана ими как самостоятельная отрасль знаний и исследований.

Во-вторых, хотелось, чтобы институт положил начало настоящим военно-политическим исследованиям, помог ликвидировать монополию военных специалистов на изучение вопросов военной политики, политических аспектов стратегии и проблем разоружения. Здесь мы настолько отстали от США, от Запада в целом, что во время становившихся всё более интенсивными контактов, дискуссий, диалогов часто не могли даже понять другую сторону и тем более объяснить ей свою позицию. Начнём с того, что наши специалисты настоящую, выходящую за рамки общих пропагандистских деклараций позицию своей страны по столь важным вопросам, как правило, просто не знали, а тем более не знали фактуру, лежащую в основе этой позиции, её военных и политических измерений – у нас всё это было строго секретным. Так что, когда начали разбираться, осваивать не только понятия и термины, но и существо проблем, долгое время приходилось опираться на американские, западные данные. Кстати, чаще, чем мы ожидали, они оказывались достоверными, если, конечно, не брался на веру лишь один источник. Приходилось делать сопоставления, притом со знанием истинной цены каждого из них. Всё это создавало трудности, не добавляло нашим выводам доверия как внутри страны, так и за рубежом. Но люди учились, и к тому времени, когда – уже в годы перестройки – начало сокращаться число секретов, по расширявшемуся, хотя и медленно, кругу вопросов, появились собственные данные, и имелся уже свой довольно сильный отряд экспертов. Институт США в этом был одним из пионеров. Некоторые из наших сотрудников участвовали в качестве экспертов в советско-американских встречах в верхах, другие стали советниками или членами наших делегаций на переговорах о разоружении и все в создании задела знаний, который несомненно мог понадобиться нам и в будущем, в ходе претворения в жизнь многих важных идей, предложенных международному сообществу новым политическим мышлением. Со временем начала играть очень заметную роль группа учёных, представлявших точные науки, но заинтересовавшихся политикой и разоружением. Могу назвать, в частности, академиков Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, В.И. Гольданского, Б.В. Раушенбаха.

В-третьих, мне хотелось, чтобы институт стал источником экспертных знаний, а в чём-то – "возмутителем спокойствия" в сфере наших экономических представлений, понимания роли научно-технического прогресса и совершенствования управления в экономике и в общественной жизни, а также в некоторых социальных, политических и культурных делах. Знаний, основывающихся на изучении американского – и не только американского – опыта. Поэтому мне казалось важным создать в институте подразделения прикладного профиля, изучающие воздействие научно-технической революции на общество, на сельское хозяйство и производство продовольствия, управление, социальную политику. Работа институтских специалистов по этим проблемам привлекла внимание, хотя мы её не рекламировали, поскольку понимали, что в то время было политически опасно создавать о себе впечатление как об исследовательском учреждении, "насаждающем" зарубежный опыт в СССР. Определённых успехов нам в указанных областях знаний добиться удалось. Мы были среди первых, обративших внимание на новые аспекты проблемы белка в животноводстве, поставили ряд других важных задач сельского хозяйства, обеспечения страны продовольствием. Кое-что удалось сделать в области управления. За участие в создании системы управления КамАЗом (потом с известными модификациями внедрённой и на ряде других заводов) несколько сотрудников института получили ордена. И что, может быть, особенно важно: институт и его работники были среди первых, кто довёл до понимания тогдашнего руководства, а затем и общественности масштабы и значение новой научно-технической революции, необходимость создать для её развёртывания благоприятные условия, открыть для неё широкой простор. К сожалению, в силу причин общего характера, ситуации, которая складывалась в те годы в нашем обществе, эти усилия не оказались столь плодотворными, как хотелось бы. Но не думаю, что они пропали зря – это был всё-таки какой-то шаг вперёд в развитии наших знаний о мире, экономике и обществе.

В-четвёртых, мне хотелось, чтобы институт в меру представлявшихся в те непростые времена возможностей отделил науку от пропаганды, изучал Соединённые Штаты не через искажающую призму догм, а в том виде, какие они есть в действительности. И серьёзно, без пропагандистских излишеств писал о них в своих публикациях – многих десятках вышедших за это время книг, в ежемесячном журнале "США – экономика, политика, идеология", в работах сотрудников института, издававшихся без его грифа. Судя по тем нагоням, которые я время от времени получал от наших идеологических инстанций и цензуры, а также по недоброжелательству консерваторов, в какой-то мере этот замысел удался. Сегодня, в пору гласности, такие достижения кажутся более чем скромными. Но в разгар застоя и это было шагом вперед.

В-пятых, мне хотелось, чтобы институт научился по-человечески, понятно для аудитории, с пониманием её психологии, не отталкивая её, рассказывать американцам, да и вообще зарубежной общественности о Советском Союзе, его политике, советско-американских отношениях. А также о том, что нам нравится и что не нравится в США и их политике. С учётом "домашних церберов", ревниво следивших за "идеологической чистотой", это требовало известной смелости, готовности идти на риск. Ведь нужно было отойти от многих догм, стереотипов и привычных клише. На этот риск я и многие мои коллеги шли, хотя приходилось подчас сталкиваться с неприятностями. Необычность стиля, почерка работников

* С 1998 г. журнал называется "США ❖ Канада: экономика, политика, культура". – *Ред.*

института вскоре начала отмечаться не только советской общественностью, но и американцами. Они это воспринимали, естественно, по-разному.

Во время одного из протокольных мероприятий, состоявшегося в ходе первой встречи в верхах в Москве в 1972 г., Киссинджер, отвечая на какое-то моё высказывание, сострил, что вот Арбатов, мол, хорошо понял "мазохистскую" сущность американской души и ловко этим пользуется, к великому удовольствию американцев, рассказывая им о недостатках и прегрешениях США (почти дословно то же самое он повторил в первом томе своих мемуаров¹). Ощутив, что он явно злился, я – не стану скрывать – испытал известное удовлетворение. Уж очень лёгкой была долгое время для политиков США борьба за общественное мнение. И тем легче, чем в более топорной, догматической форме советская точка зрения доводилась до американцев. Потому приятно было услышать, что со мною и моими коллегами оппонентам спорить стало сложнее.

Уже потом это нашло подтверждение и в том, что на Западе институт попытались заклеить как "пропагандистскую" организацию, чуть ли не специально созданную, чтобы обманывать, "охмурять" американцев. Это, конечно, вздор, задач такого рода перед нами вообще не ставилось – для нас это была своего рода самодеятельность, притом сопряжённая с известным риском. Но мои коллеги и я считали важным, когда представлялся случай, этими возможностями пользоваться. Мы ведь вполне серьёзно относились к американским демократическим институтам и к общественному мнению США, понимали, насколько важным может быть их воздействие на политику.

И наконец, в-шестых (последнее по счёту, но не по значению), я хотел, чтобы институт стал альма-матер современных, новых по своему типу, советских американистов да и вообще политологов, чтобы он собрал творческих людей и дал простор их способностям, выпестовал специалистов, способных принести пользу своей стране, помог этим улучшению не только советско-американских отношений, но и внешней политики нашей страны. И, прошу простить, наставил их на путь настоящих миротворцев, какое бы скромное дело они не делали, конечно, не покидающих в то же время нашу грешную землю, остающихся реалистами, понимающими не только стратегические цели, но и основные принципы тактики, способной к этим целям привести. Не мне судить, насколько всё это удалось. Но если говорить о личных оценках и ощущениях, то хотел бы сказать, что из сделанного больше всего горжусь тем коллективом, который сложился в институте.

Назову в этой связи имена некоторых своих товарищей, вместе с которыми мы создавали институт. Начну с тех, кто покинул нас навсегда, но память о ком бережно хранится в институте. Это: профессор Б.С. Никифоров – выдающийся советский учёный-правовед, почётный доктор права Оксфордского университета; генерал-лейтенант М.А. Милыштейн – прекрасный специалист по военным и военно-политическим проблемам и замечательный человек; Л.Д. Филиппова – уникальный специалист в области образования; И.Л. Шейдина – талантливый молодой учёный; профессор Ю.А. Замошкин – известный философ; основатель исследований по Канаде в нашем институте Л.А. Баграмов.

¹ Арбатов, пишет Киссинджер, "много знал об Америке и искусно приспособлял свои аргументы к преобладавшей моде. Особенно тонко он действовал, взывая к неистощимому мазохизму американских интеллектуалов, для которых символом веры была убеждённость в том, что все трудности в американо-советских отношениях вызваны либо недомыслием, либо несговорчивостью США". – Kissinger H. *White House Years*. Boston – New York, 1979, p.112.

В становлении института большую роль сыграли: В.В. Журкин, ставший академиком (ныне он руководит секцией РАН, объединяющей институты международного и страноведческого профиля); профессор Е.С. Шершнева, экономист, доктор наук; профессор Г.А. Трофименко, работы которого по внешней политике США получили широкое признание во многих странах; профессор И.Д. Иванов – видный специалист по международным экономическим отношениям, занимавший позже ответственные посты в правительстве СССР; профессор-историк В.С. Зорин – ветеран советской американистики, традиционно совмещающий научную работу с телевизионной журналистикой; профессор Б.З. Мильнер, возглавлявший в институте исследования проблем управления, сейчас заместитель директора Института экономики РАН; профессор В.П. Лукин – учёный-международник, председатель Комитета по международным делам Государственной Думы РФ; член-корреспондент РАН А.А. Кокошин – видный специалист по военно-политическим проблемам, сейчас первый заместитель министра обороны и секретарь Совета обороны РФ; профессор А.К. Кислов – крупный специалист по Ближнему Востоку, ставший заместителем директора ИМЭМО; профессор Ю.П. Давыдов – специалист по проблемам Европы; известный философ Э.Я. Баталов; историк Э.А. Иванян, его коллеги И.А. Геевский, В.П. Золотухин, В.А. Федорович; умелый организатор и прекрасный человек В.Ф. Пономарёв. И пусть не обидятся те из ветеранов института, которых я не упомянул.

А потом уже и к нам потянулись люди – блестящий экономист Н.П. Шмелев, специалист по природным ресурсам Л.Н. Карпов и др.

Заслуживают самой высокой оценки молодые коллеги, пришедшие в институт со студенческой скамьи и ставшие сегодня серьёзными специалистами, которые уже получили признание как учёные в стране и за рубежом. Это относится к С.М. Рогову, ныне директору института, его заместителям, а также заведующим отделами и секторами. (К сожалению, многие люди, выросшие в институте как специалисты, его покинули, были приглашены на другую работу. Но, с другой стороны, это естественно и тоже вызывает чувство удовлетворения. Они работают сейчас в МИД РФ, парламенте, правительстве России, в нашей печати (два телевизионных канала – НТВ и ВГТРК возглавлялись выходцами из института – И. Малашенко и Н. Сванидзе), а также в других академических институтах.

Теперь коротко о работе института.

Первая аналитическая записка была подготовлена институтом в апреле 1968 г. – в период драматичных политических потрясений в США, которые президент Никсон охарактеризовал как самый острый кризис со времен гражданской войны. Это был год президентских выборов, и наша задача состояла в том, чтобы исследовать чрезвычайно трудную ситуацию, сложившуюся в США, и попытаться сделать прогноз насчёт её последствий для советско-американских отношений.

Перечитывая эту записку много лет спустя, вместе с удовлетворением по поводу того, что её главные выводы и прогноз оправдались, я удивлялся и смелости, и известной отчаянности, проявленными нами. Ибо мы высказывали довольно решительные суждения в самом начале исследовательской деятельности, буквально через пару месяцев после того, как сели за свои рабочие столы. Но это было реализацией того, что каждый принёс в институт, – многолетние наблюдения и суждения.

Главный вывод записки состоял в том, что независимо от того, кто победит на выборах, в США назревают предпосылки для перемен во внешней политике, которые могут объективно отвечать интересам СССР. "Впервые сложилась ситуация, – писали мы в этом документе, посланном руководству, – при которой правительство США, проводя свою "глобальную" политику, столкнулось с

серьёзным противодействием не только на международной арене, но и в своей собственной стране. Впервые над Соединёнными Штатами нависла опасность крупных внутренних потрясений, причём в значительной мере вследствие обострения проблем (рост налогов, инфляция, бедственное положение меньшинств, кризис городов), требующих для своего решения значительного усиления внимания правительства и концентрации ресурсов на внутренних делах". А это, как считали мы, будет стимулировать конструктивные начала во внешней политике США. Мы сделали также вывод о том, что СССР может оказать некоторое воздействие на эти процессы. Особенно большое значение могла бы иметь в сложившейся обстановке активизация нашей внешней политики, в том числе путём выдвижения широкой конструктивной программы борьбы против угрозы войны, за укрепление мира.

Тогда, в начале 1968 г., такие выводы и рекомендации были не совсем обычными. Представляя их руководству страны и в МИД, мы хорошо понимали, что они могут вызвать недовольство и раздражение, ибо тенденция к прекращению холодной войны пробивала себе дорогу с трудом. Инерция сталинистского мышления, тем более после попыток его новой реставрации вслед за смещением Хрущёва, была ещё очень сильной. В дававшихся тогда бюрократических оценках американской политики, перспектив наших отношений с США преобладали формулы непримиримого противоборства – "либо мы, либо они", а лозунгом дня стал "классовый подход к политике". Хотя эти заявления вместе с тем (тоже дань новым временам) и сопровождались, как правило, риторическими призывами к мирному сосуществованию.

Мы с первых шагов пытались также как-то бороться с идеологическими стереотипами, мешавшими правильно оценить свои собственные национальные интересы, в частности постоянно напоминали, что нести революцию в другие страны – не наше дело, что вместе с тем сдерживание гонки вооружений несёт больше выгод СССР, чем США, ибо бремя военных расходов для нас более чувствительно.

С началом серьёзных переговоров по ограничению стратегических вооружений быстро выявилась проблема, которой было суждено преследовать советских специалистов вплоть до сегодняшнего дня, – наша одержимость секретностью во всём и особенно в вопросах военной политики. В 20-е годы вопросы эти дебатировались у нас открыто, и это не только не помешало, но, напротив, помогло молодой Советской республике создать надёжный оборонительный щит и установить принципиально новые, здоровые отношения между обществом и вооружёнными силами. В 30-е годы эта демократичная модель была разрушена, в чём и состояла одна из причин катастрофы 1941 г. А в годы холодной войны одержимость секретностью была навязана обществу как естественный и единственно верный подход к вопросам обороны, что обернулось для нас огромными излишними расходами и опасными кризисными ситуациями.

С начала 70-х годов институт неоднократно поднимал эту тему перед руководством. Но только к середине 80-х годов начало формироваться понимание необходимости иного подхода к обеспечению безопасности страны, что выразилось в концепции "Безопасность для всех", а затем и в конкретных шагах к увеличению открытости, расширению мер доверия в вопросах обороны.

В 1969 г. резко обострились советско-китайские отношения, что заставило нас заняться более пристальным анализом американо-китайских отношений. Один из первых выводов, который мы сделали в начале 1970 г., состоял в том, что отношения в "треугольнике" СССР – США – КНР уже существуют как единый комплекс. Это не позволяет ставить вопрос: или отношения с США, или с КНР. Наш

вывод был таким: необходимо вести курс на установление отвечающих интересам СССР отношений одновременно с обеими странами в той мере, разумеется, в какой в каждый данный момент это позволяет политика и той, и другой. Неразумно реагировать нервозно и чрезмерно остро на каждое движение в контактах США и КНР, писали мы осенью 1970 г. В августе 1971 г., когда было объявлено о предстоящем визите в Пекин президента Никсона, мы вновь вернулись к проблеме отношений КНР – США, доказывая, что против определённой степени их нормализации нам бороться трудно, рискованно и неразумно: любые такие попытки только вызвали бы нежелательную реакцию в мире.

Я не хочу злоупотреблять вниманием читателя, пересказывая десятки информационных и аналитических записок, ежегодно направлявшихся институтом в те организации, где формировалась советская внешняя политика. Приведённые примеры, по-моему, достаточно ясно показывают, что мы в меру сил старались помочь становлению более просвещённой политики и не были конформистами.

В период болезни Брежнева (т.е. с 1975 г.) и усиливавшегося интеллектуального упадка руководства внешней политикой для института настали трудные времена. Я понимал, что попытки подсказать верные шаги становятся всё менее продуктивными. Но вместе с тем боялся в этом признаться себе самому и тем более обнажить такие неприглядные реалии перед коллективом. Это просто убило бы творческий дух людей. "Невостребованность" науки очень тяжка для учёных. Потому старался не складывать оружие даже и в трудные времена, для себя оправдывая это как "работу впрок", на будущее – в него всё же надежды не теряли. А в коллективе старался поддерживать уверенность в том, что работа наша остаётся нужной для политики.

Вели мы и исследования региональных проблем, особенно европейских, ближневосточных, а потом всё больше – дальневосточных, тихоокеанских, инициатором и энтузиастом которых был В.П. Лукин. Завязали контакты с исследовательскими центрами в этих регионах, подготовили в институте группу квалифицированных специалистов. С известным удовлетворением могу, в частности, сказать, что институт был среди первых научных коллективов в стране, который обратил внимание советского руководства на то, что система приоритетов меняется и Азиатско-Тихоокеанский регион становится для нас крайне важным.

Первые неофициальные записки по этому поводу, содержавшие также политические рекомендации, были направлены в начале 80-х годов ещё Брежневу, затем Андропову и заново – Черненко. Помню, летом 1984 г. меня вместе с В.В. Загладиным пригласил А.М. Александров (он всё ещё оставался в должности помощника Генерального секретаря), разложил перед собой наши записки, в том числе оставшиеся в наследство от предшественников Черненко, а также направленные последнему, и сказал: "Давайте думать, что делать". И мы решили (а что ещё было делать?) "продолжать стараться". Он взялся, используя редкие часы, а потом минуты улучшения здоровья тогдашнего Генерального секретаря, пробивать какие-то вопросы через него, где можно, пытаться влиять на МИД от его имени и попросил нас использовать и наши собственные возможности. Но они были очень скромны у всех нас, включая Александрова. Правда, пытаясь что-то сделать, мы хоть отводили душу, и становилось легче жить и работать.

Если говорить о моих возможностях, я мог лишь направлять записки (или их копии) М.С. Горбачёву, фактически ставшему при Андропове и Черненко вторым секретарем ЦК КПСС. Горбачёв уже тогда проявлял большой интерес к внешней политике. И старался сделать, что мог, хотя в той ситуации и его возможности были ограниченными.

После марта 1985 г. положение радикально изменилось. И здесь пригодились подготовленные в прошлом заделы, в том числе и наработки, созданные в институте.

Но это произошло позже. А в годы глухого застоя у думающих людей душевные силы уходили на то, чтобы не дать угаснуть творческому подходу к работе, продолжать в полную силу работать и надеяться. Ну, а у нас, находившихся на рубеже соприкосновений и контактов с США, в целом с Западом, была и ещё одна задача, если угодно функция, – возможно более достойно вести оборонительные бои. Поправление Запада, наступление консерватизма в сочетании с нарастающими трудностями во внешней политике и внутренних делах ставили наше государство в очень нелёгкое положение, в том числе идеологически. Этот фронт наши государственные организации нам охотно предоставляли, особенно если мы – учёные, публицисты и журналисты – были готовы работать на свой страх и риск.

Наряду с политикой и идеологией у института были и другие важные направления работы.

В начале 70-х годов становились всё более очевидными симптомы застойных тенденций в нашем хозяйственном развитии. Импульс, который дала экономике реформа 1965 г., быстро исчерпал себя из-за непоследовательности её инициаторов, глухого сопротивления бюрократии. Всё возвращалось на круги своя, притом в новой обстановке, когда в мире развёртывалась научно-техническая революция. Становилось ясно, что страна не просто сдает позиции в каких-то областях – реальной стала угроза общего отставания.

Уже в сентябре 1968 г. институтом была направлена в ЦК КПСС и Совет министров СССР первая информационно-аналитическая записка "О влиянии научно-технической революции на внешнеполитическую стратегию США". По сути, несмотря на намеренно суженный в заголовке аспект проблемы, мы хотели сделать её "сигналом тревоги", насторожить руководство в связи с явно обозначившимся отставанием страны. Записка была разослана всем руководителям, обсуждалась, сыграла определённую роль в пробуждении внимания к этому вопросу, хотя, к сожалению, не имела должных практических последствий. Впрочем, было принято решение провести специальный пленум ЦК КПСС по научно-техническому прогрессу. Во главе группы, которой поручили готовить материалы для пленума, были поставлены академик Н.Н. Иноземцев и я. Мы выполнили это задание, но пленум так и не был проведён, скорее всего из-за того, что выводы нашей группы содержали не только предложения улучшить управление научно-техническим развитием, но и провести радикальную экономическую реформу в стране, а к этому руководство готово не было.

То же самое относится к записке о передаче научно-технических открытий и достижений в военной области в гражданские отрасли хозяйства, направленной в ЦК в апреле 1969 г. Тогда была даже создана специальная комиссия, принималось какое-то решение, но более весомых практических результатов не последовало.

С начала 80-х годов институт (насколько я знаю, первым среди подразделений Академии наук) стал привлекать внимание политического руководства к проблеме растущего экономического отставания советского Дальнего Востока и увеличивающегося значения для нас Азиатско-Тихоокеанского региона, который вышел на новый, качественно более высокий уровень развития и взаимных связей. Были внесены предложения, охватывавшие экономическую, политическую, научно-техническую области. Они были призваны, с одной

стороны, ускорить развитие наших восточных регионов, а с другой – активно включиться в формирующееся "тихоокеанское сообщество".

В руководящие органы направлялось много информационных записок и по другим экономическим проблемам: о положении дел в отдельных отраслях и важных государственных программах, об американских оценках состояния и перспектив советской экономики, об актуальных вопросах внешнеэкономических связей.

Большое внимание, естественно, уделялось опыту США в сельском хозяйстве и производстве продовольствия. В 1973 г. для изучения этого опыта был создан специальный сектор, преобразованный в 1977 г. в отдел. Институт буквально бомбил вышестоящие инстанции записками о проблеме белка, развитии бройлерной промышленности, создании новых отраслей пищевой промышленности, улучшении хранения и перевозок зерна и овощей, новых тенденциях в развитии технической базы сельского хозяйства и др. Дважды – при Брежневе, а затем при Андропове – на Политбюро рассматривались наши предложения о сокращении закупок зерна в США. К сожалению, оба раза под давлением "зернового лобби" они были отклонены.

Институт одним из первых в стране занялся разработкой принципов совместных с западными фирмами производств. В 1976 г. были подготовлены предложения о совместном производстве автомобильных свечей с американской компанией "Бендикс", разработана на этом примере концепция и типовая модель новой формы экономического сотрудничества. Предложение дважды рассматривалось на комиссии правительства, которая оба раза выносила по этому вопросу положительные решения. Увы, как это было и со многими другими хорошими идеями в те годы, практического воплощения это предложение так и не нашло.

Еще одним важным направлением прикладных экономических исследований было изучение американского и вообще зарубежного опыта управления, попытки приспособить его к нашей практике. На невысоком уровне (предприятие, объединение) это нередко удавалось, работа приносила практическую пользу. На более высоких уровнях (мы, например, подготовили проект управления программой развития Нечерноземной зоны РСФСР, даже успешно доложили его в правительстве РСФСР, но принят он не был) ничего не получалось. В первую очередь – из-за серьёзных пороков самой административно-командной системы, остававшейся очень мало места для рационализации управления.

Как у нас относились к деятельности института? Если говорить о руководстве, то внимательно, особенно в первые несколько лет, когда политика наша ещё находилась в каком-то поиске. Записки читались, рассылались, нередко принимались к сведению, получали мы немало заданий. Кое-что приносило практическую пользу, кое-что нет, в основном по общим причинам – в связи с ситуацией, складывавшейся в стране. Но что я достоверно знаю: ущерба наши рекомендации не нанесли, дурных тенденций в политике не рождали и не поощряли. Упоминаю это, чтобы ответить некоторым критикам, многозначительно заявляющим, что, мол, в период застоя институт давал руководству какие-то плохие рекомендации и должен за них ответить.

С интересом относилась к работе института и общественность. Сужу об этом по хорошему тиражу институтского журнала, созданного и возглавлявшегося долгие годы В.М. Бережковым – доктором исторических наук, автором ряда книг по истории международных отношений 40-х годов, а также по тому, что большинство изданных нами книг не залеживалось на полках, по обилию приглашений выступить с лекциями, которые получали и получают сотрудники института. Конечно, отклики на нашу работу бывали не только позитивные. Не раз случались неприятности,

в которых иногда виновны были мы, а чаще – сверхбдительные цензоры и идеологи. Ну, а кроме того, работа института была достаточно определённой идейно и политически, чтобы вызывать недоверие и нападки консерваторов. Один раз под меня и под институт закладывали основательную “мину” Демичев и Кириленко (в 1973 г.), правда, безуспешно. Но это было тогда в порядке вещей, и, в общем, мне жаловаться нечего, другим выпадали более серьёзные испытания.

Другой раз для “принятия мер” была создана комиссия Политбюро, в которую входили Андропов, Устинов, Зимянин и некоторые другие (предлог был абсурдный – два работника института в интервью на вопрос журналистов, где они видят развязку тупика на переговорах по разоружению, высказали мнение, которое совпадало случайно с нашей “запасной” позицией, хотя высказанная ими идея была очевидна каждому думающему человеку; но тут началось настоящее расследование).

Думаю, что институт вызывал неприязнь и подозрительность у наших консерваторов не только содержанием своих работ, но и самой атмосферой, сложившейся в коллективе. Очень многие из нас, если не все, жили надеждой, что период консерватизма и застоя будет не слишком долгим и процессы прогрессивных перемен вновь наберут силу. Это определяло настроения сотрудников: как и все развитые люди, они стремились к интеллектуальной и духовной свободе, а поскольку известная степень такой свободы была необходимым условием эффективной работы института, то институт служил для них своего рода убежищем, куда большинство ходило с удовольствием, трудилось увлеченно, творчески.

Немалую роль в создании такого климата сыграло то, что долгое время средний возраст наших сотрудников не превышал 30 лет. Молодёжи института были предоставлены широкие права и возможности, и она вела себя очень активно – особенно, как это ни парадоксально на первый взгляд, во второй половине 70-х – начале 80-х годов.

Конечно же, создание и работа института не прошли незамеченными и в США. Первое интервью у меня взял журнал деловых кругов США “Бизнес уик” уже в январе 1968 г. и напечатал примерно месяц спустя. Оно почему-то вызвало страхи и недовольство курирующих институт работников Отдела науки ЦК КПСС. Вот тогда я и решил руководствоваться собственным представлением об интересах страны, не ориентироваться на мнение аппаратных чиновников. А вскоре влиянию института начали, явно преувеличивая, приписывать замеченные американцами изменения в тоне советской печати, когда она пишет о США. Так, журнал “Тайм” связывал с деятельностью “новых наблюдателей за Америкой” тот факт, что “советские газеты теперь считают нужным отличать “трезвомыслящих империалистов” и “реалистически мыслящих империалистов” от более расхожей и злобной их категории”².

Потом начали появляться и специальные книги, посвящённые работе советских американистов и исследователей внешней политики. Приведу выдержки из материала Библиотеки Конгресса США “Советская дипломатия и поведение на переговорах 1979–1988 гг.: новые испытания для американской дипломатии”. В нём, в частности, подчёркивалось, что ИСКАН наряду с другими исследовательскими центрами сыграл важную роль в процессе “интеллектуализации” внешней политики Советского Союза и, “несмотря на признаваемые недостатки”, был “главной силой” в трансформации “советского восприятия американской политической системы и особенно конгресса”. И дальше: “Те, кто внимательно следит за деятельностью Института США, считают, что эту организа-

² “Time”, 7.02.1969, p.23.

цию отличают профессионализм и способность влиять на внешнеполитический аппарат, другие же подчёркивают пропагандистскую роль института"³.

А вот как в журнале "Таймс литерари саплемент" А. Браун суммировал основные выводы вышедшей в США книги Н. Малколма "Советские политические исследователи и американская политика", опубликованной в 1984 г.: "Хотя отношения между сверхдержавами за последние 20 лет имели свои отливы и приливы, знание американской политики в СССР постоянно повышалось... Если советские руководители и наиболее образованная часть населения стали знать американскую политику и общество лучше, то этим они в значительной мере обязаны работе советских американистов, чья печатная продукция выросла по объёму и качеству со времени основания Института США в 1967 г... Хотя эта работа неодинакова по качеству и неоднородна по выдвигаемым оценкам и толкованию, она даёт советским руководителям и просвещённым кругам более широкую информацию об американской политике и обществе, чем та информация о Советском Союзе, которой располагают американские руководители и образованные слои населения... Работа советских американистов, с одной стороны, представляет собой неотъемлемую часть гораздо более информированной интеллектуальной среды, чем та, которая существовала лет 40 назад, а с другой – сама в значительной мере способствует её формированию". Отмечалось также, что новым в подходах элиты и особенно американистов является "отрадный акцент на здравом смысле в большей мере, чем на идеологии, принятии рационализма в качестве ориентира в политике".

Институт стал также каналом контактов и встреч специалистов в области внешней политики. Да и не только их. Среди гостей института, выступавших с лекциями, участвовавших в семинарах и обстоятельных беседах, были десятки американских сенаторов и конгрессменов, политических и общественных деятелей, видных представителей делового мира. Можно, в частности, назвать бывшего президента США Р. Никсона и бывшего вице-президента У. Мондейла, бывшего премьер-министра Великобритании Г. Вильсона и премьер-министра Канады П. Трюдо; таких политиков, занимавших ключевые посты в правительстве США, как С. Вэнс, Р. Макнамара, Г. Киссинджер, Б. Скаукрофт, Ч. Браун, З. Бжезинский, П. Питерсон, сенаторы Э. Кеннеди, Г. Бейкер, Г. Харт, А. Крэнстон, Ч. Метайес, Дж. Дэнфорт, Дж. Тауэр; видных учёных Дж. Гэлбрейта, С. Липсета, П. Кеннеди, Р. Такера, М. Шульмана, Э. Хьюитта, А. Вулфа, У. Мэйнса, С. Биалера, Р. Легволда, С. Хантингтона, а из мира бизнеса – Ч. Торнтон, Т. Тернера, А. Хаммера, Р. Эша, М. Блументала, Ф. Рогатина, Д. Андреаса и многих, многих других. Это, мне кажется, – и польза, и, одновременно, известное признание.

Конечно, в США к институту тоже разные круги относятся по-разному. И он не раз становился излюбленной мишенью для атак крайне правых. Особенно массированная кампания против института, явно организованная, имевшая целью дискредитировать его и подорвать то "вредное", с их точки зрения, влияние, которое он имел на общественное мнение в США и других западных странах, была развёрнута в начале 80-х годов.

Перечислю лишь наиболее заметные из статей, специально написанных для дискредитации института: доклад правоконсервативного исследователь-

³ Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior: 1979–1988. New Tests For U.S. Diplomacy. Wash., 1988, p.563–564.

ского центра Фонд "Наследие" "Истинное лицо московского Института США" (1982 г.); статья Дж. Риза "Московские друзья в Институте политических исследований" в журнале "Американский опинион" (1983 г.); статья Дж. Шектера "Американский связной Андропова" в журнале "Эсквайр" (1983 г.); статья известного консервативного обозревателя У. Бакли "Ожидая Георгия" в журнале "Нэшнл ревю" (1983 г.); пасквиль Дж. Бреннана "Короткий визит к Андропову" в "Американский опинион" (1983 г.), – не говоря уже о такого же рода "внимании", уделённом нам в определённого типа книгах, вроде труда Дж. Бэррона "КГБ сегодня. Невидимая рука" (1983 г.), выдержки из которого тут же были напечатаны в массовом журнале "Ридерс дайджест" (1982 г.), воспоминаний завербованного ЦРУ бывшего советского дипломата Шевиченко и др.

Наряду с обычными в таких случаях клеветническими темами (институт – инструмент КГБ, а Арбатов – "один из руководителей советской разведки") в этой кампании обращали на себя внимание и некоторые новые моменты, в частности попытки подорвать научную репутацию института и его сотрудников, изобразить их как функционеров, пытающихся сбить с толку, запутать американцев. В этой связи резко критиковались американские средства массовой информации за то, что они так охотно предоставляют им трибуну, рекламируют их как "ведущих экспертов Кремля по американским делам". Обвинялись мы (что лестно, хотя, увы, не наша заслуга) и в том, что создали антивоенное движение в США, Канаде и Западной Европе, посеяли на американской почве идею замораживания ядерных арсеналов (хотя на деле она пришла к нам из США) и т.д. И всё это были не только слова. Сотрудникам института и мне лично американские власти в начале 80-х годов начали чинить всевозможные препятствия, главным образом, чтобы помешать выступлениям в средствах массовой информации США. В 1982 г., например, мне, чтобы сорвать участие в престижной телепередаче, сократили разрешённое визой время пребывания в США; в 1983 г. дали визу с условием, что я не буду иметь никаких контактов со средствами массовой информации, и т.д. Начались и трения в отношениях с посольством США в Москве.

Честно говоря, ни я, ни мои коллеги не были всему этому рады, но мы восприняли кампанию клеветы и эти действия как своеобразный комплимент, как признание того, что оголтелые враги нормализации отношений с Россией нас стали опасаться, поскольку мы всё же начали понимать Америку и научились с американцами убедительно говорить. Сейчас всё это уже позади, и наши контакты с американцами нормализовались. А репутация института среди американских коллег осталась достаточно высокой.

Не хотел бы, чтобы сказанное было понято как самоуспокоенность и довольство собою. Нет, и я, и мои коллеги в годы перестройки занялись серьёзным переосмыслением своей работы, выявлением недостатков, с тем чтобы поднять исследования до того высокого уровня, которого потребовали новые условия, когда к науке, как мы полагали, всё же начнут прислушиваться, учитывать результаты научного анализа в политике. Наука, надеялись мы, внесёт свой вклад в становление и развитие нового политического мышления, что, в свою очередь, повысит критерии оценки политических исследований, политической науки, а также её ответственность.

Но сказать только это, означало бы сказать не всю правду, Институт переживает в последние годы вместе со всей Академией наук немалые экономические и финансовые трудности, теряет квалифицированных сотрудников. Пока нам удаётся как-то справляться с этими проблемами. Но будущее начинает вызывать беспокойство.